19 АПР 1971

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА

люди искусства

Творческий коллектив

Лидия ВИРИНА

АЛЕКСАНДР Дмитриевич Гай хотел сыграть Миколу Задорожного. Артист создал во Львовском театре имени М. Заньковецкой галерею масштабных образов. Так что на роль Миколы он имел полное право. Однако в премьере, открывшей в театре нынешний сезон, Александр Гай Задорожного не сыграл.

«Украденное счастье» было только что принято к постановке. Рассказывал постановщик, главный режиссер театра Сергей Данченко: «Возраст героев не «деталь», он принципиально важен для идеи. Если Задорожный стар, то смысл происходящего сведется к банальному «треугольнику»: юная жена, постылый муж-старик и красавец-возлюбленный. На сцене не будет ни Ивана Франко, ни современного спектакля...

У меня не хватило отваги сказать Гаю о распределении ролей. А назавтра оно было сообщено труппе... Мы шли по солнечному весеннему бульвару. В такую пору не верится, что в жизни существуют огорчения, конфликты. Из-за поворота — Сергей Данченко. И вмиг Гай загорелся «Украденным счастьем». Он горячо обосновал свое видение роли. Постановщик отстаивал свое. Разошлись на «точке кипения»...

«Зачем так?» — я упрекнула Гая за горячность. «Как иначе?» — он взглянул недоуменно. Сразу стало ясно: он — о невозможности скрытности, даже крошечного камешка «за пазухой».

◇

Академическому театру имени М. Заньковецкой сопутствует легенда: «что ни задумают, все смогут. Что ни ищут, найдут». К примеру, лет десять назад задумали, по мнению многих, неосуществимое: в рамках театрального вечера передать многоплановость литературной эпопеи Ирины Вильде «Сестры Ричинские». И немедля нашелся автор инсценировки тут же, в труппе,— заслуженный артист Украины Б. Антким. Решили создать постановку о Марии Заньковецкой. Опять же словно сами собой отыскались оригинальная пьеса И. Рябокляча и достойная создательница образа великой актрисы Л. Кадырова. Включили в репертуар «Ричарда III». Для сложнейшей заглавной роли как наготове два интересных интерпретатора — Б. Ступка, Ф. Стригун. Наконец, «Знаменосцы» — у заньковчан знаменитая книга О. Гончара получила новое рождение.

К бесспорным актерским удачам спектакля критика единодушно отнесла работу А. Хостикоева над ролью Черныша. Артист играл его уже второй год, когда Сергей Данченко, постановщик, назначил замену. Григорию Шумейко, совсем молодому актеру, предстояло выступить не в очередь с уже признанным исполнителем, а вместо него: Хостикоев призывался в армию. Для ввода было не больше недели; последняя репетиция в день спектакля... Сложно!

«Знаменосцы» построены в театре на стремительности эпизодов. Прозвучат несколько реплик — и актер свободен. Однако, отыграв свое, все оставались за кулисами. Шумейко не позволили усомниться: в его успехе заинтересованы все. «На Черныша» играл каждый. Внимание к партнеру приобрело особую внутреннюю энергию. Тема «Знаменосцев» — тема нерушимого боевого побратимства — еще трепетнее зазвучала от этого.

◇

Нравственная атмосфера — и конечный творческий результат. Обыденный эпизод театральной жизни ярко высветил их связь.

Несколько лет подряд на Киностудии имени А. Довженко создавалась «Дума о Ковпаке». Куда только не приходилось летать за это время Александру Гаю, снимавшемуся в роли партизанского командира. Ни разу из-за этого в театре не отложили репетицию, не заменили спектакль. У Ярослава Максимчука, создавшего на сцене десятки колоритных ролей, на радио записаны десятки литературных программ. Театр от этого в прямом выигрыше: о новинках литературы, материале возможных сценизаций одним из первых сообщает Я. Максимчук. Сценический диапазон Богдана Анткива — Роман Блаженко в «Знаменосцах», Гонта в шевченковских «Гайдамаках», маклер Сулиман в «Сестрах Ричинских». С актерским призванием сочетается литературное. И ведет снова к театру... После «Сестер Ричинских» именно Б. Антким вместе с С. Данченко «перевел» на язык сцены «Знаменосцев». Сейчас в том же содружестве артист ведет работу над инсценировкой романа П. Козланюка «Юрко Крук». Спектакль станет продолжением «Украденного счастья». Завершающей частью трилогии, которую заньковчане посвящают 60-летию Октября, будет одна из новинок современной украинской драматургии.

Вот афиша заньковчан: «Знаменосцы» — О. Гончар, «Ричард III» — В. Шекспир, «Лодка качается» — Я. Галан, «Каменный властелин» — Л. Украинка, «Мария Заньковецкая» — И. Рябокляч, «Суета» — И. Карпенко-Карый. «В степях Украины» — А. Корнейчук, «Пора желтых листьев» — М. Зарудный, «Кравцов» — А. Коломиец. Где тут единая тема? Единый герой? Но если спектакли заньковчан смотреть из вечера в вечер, то возникает ощущение праздника — ощущение ничем чуждым не прерываемой беседы.

«Высшая красота — это красота верности», «Существуют вещи более страшные, чем смерть. Это — позор». В «Знаменосцах» прозвучат и образно подтвердятся эти слова. А рядом — вспомним афишу! — спектакль, где над сценой кольца кольчуги. Кольца, кольца... Отсвечивают блеском золота, вспыхивают багрянцем. Не защита в них — западня. Стихия «Ричарда III» на львовской сцене — это стихия измены. Спектакли-антиподы? Нет, спектакли — аргументы той же истины. Один утверждает бессмертие соратников, объединенных идеалом подлинной свободы. Другой восстает против «власти во имя власти», вскрывает опустошенность, духовное рабство, которыми и для самого властителя оборачивается деспотизм... «Каменный властелин» — романтическая легенда и «Мария Заньковецкая» — биографическая драма... Тоже, казалось бы, контраст. Но возникает из него еще один поворот в продолжающейся беседе. Спектакли как бы с полярных полюсов освещают тему «верность и вера», говорят о высшей свободе — свободе служения долгу и свободе иллюзорной — жажде обладания всем и вся.

◇

«Время, общество, человек». Эта магистральная направленность в разном освещении, в разных «срезах» читается в публицистическом памфлете Ярослава Галана «Лодка качается» и в «Суете» И. Карпенко-Карого, где быт — данность остросоциальная, а комедийность — ступенька к трагическим высотам. Присутствует она и в таких, на первый взгляд, неожиданных для данного ряда пьесах, как «Дамы и гусары» А. Фредро, или весьма далекий от сколько-нибудь глубокой мысли водевиль К. Сергеева «Не измени себе», который, будучи прочитан взглядом, внимательным к движению времени и человеческой души, обнаруживает высказанный всерьез призыв к доброте.

О Сергее Данченко-режиссере можно услышать: рационалист. Он сам не находит в этом обиды: «Если подразумевать под рационализмом точную выстроенность спектакля, то для меня она принципиально важна. Дивертисментность разрушает и мысль, и образ. По моему убеждению, на сцене все должно быть определенным и обязательным. Как обязательна малейшая частица в мозаике».

Иван Франко, Петро Козланюк и наш современник-драматург — в едином «триптихе». В этой новой масштабной работе театр более чем когда-либо выступает первооткрывателем. Тем не менее экспериментальности в первом опыте нет, он бесспорен, закономерен. Как воплощение внутренней последовательности творческого процесса, которая давно выступает здесь силой, определяющей неповторимое лицо коллектива.

Давно. С каких пор?

Четверть века у театра был бессменный руководитель — народный артист СССР Б. Романицкий. Затем в течение десяти лет друг друга сменили три главных режиссера. Заслуженный деятель искусств УССР С. Данченко во главе заньковчан шестой год. Казалось бы, тут можно говорить об «эстафете поколений»: в этом театре — вся жизнь его родителей, народных артистов УССР В. Данченко и В. Полинской. Но нынешний главный режиссер у них эстафеты не принимал: он окончил университет, работал геологом в Средней Азии, на Дальнем Востоке, в театральный институт пришел уже после этого. У заньковчан С. Данченко сперва очередной режиссер. Но «Маклена Граса» М. Кулиша, одна из его первых постановок, — работа уже отнюдь не «очередная». Спектакль вошел в число победителей республиканского смотра «за лучшее прочтение революционной классики». Приметен он для театра еще и тем, что в «Маклене Грасе» впервые встретились Борис Васильевич Романицкий и юная Лариса Кадырова, студийка, лишь вступающая на актерский путь. Б. Романицкий за роль старого Граса был удостоен Государственной премии УССР имени Т. Г. Шевченко. Для Л. Кадыровой, теперь заслуженной артистки республики, роль Маклены стала первой в галерее значительных сценических образов.

◇

За «случаями», которые ставят дебютанта и корифея в положение партнеров,— наставничество. В нем для заньковчан естественная форма роста коллектива.

В «Ричарде III» Сергей Данченко, по его же словам, видел в главной роли Богдана Ступку. Человек-вьюн, хищно, исступленно примеривающийся, как вернее поразить врага, а враг для него — всякий, кто не он сам... Искомое найдено, это стало очевидно уже в читках за столом. И все же на «станки» в очередь со Ступкой вышел Федор Стригун. Талант Ступки стремителен, его отточенность заставляет вспомнить о лезвии бритвы. Стригун завоевывает зрителя другим. Его герой не творит, подобно Ричарду — Ступке, злодейских законов мира — тюрьмы. Он брошен в этот мир, втянут в стихию кровавых дел и всматривается в них сосредоточенно, недоуменно: неужели лишь предательство и смерть окружают человека? И становится убийцей оттого, что все вокруг таковы.

Два исполнителя — два спектакля. А вывод рождается один: темная, пустая душа — это пустая, обреченная судьба. Существование двух Ричардов — подтверждение социальной, психологической неистощимости Шекспира, цельности идейного поиска театра.

Об «Украденном счастье», где Б. Ступка — Микола Задорожный, а Ф. Стригун играет Михайло Гурмана, жандарма, много спорят. Но, по общему мнению, Ф. Стригун — Михайло — переворот в сценическом прочтении пьесы Франко. По традиции, Микола Задорожный должен быть в центре спектакля. Данченко же еще до начала репетиций напоминал: в первой редакции драма называлась «Жандарм», Гурман вовсе не второстепенен для Франко. И вот Ф. Стригун рисует его в живых порывах ума, в страстных поисках выхода из жизни-капкана, затем в мучительном сознании безысходности.

«Актеру противопоказано принуждение, даже завуалированное,— слова С. Данченко.— Самая прочная выстроенность спектакля рухнет, если подавить актерскую свободу. Актера нужно подвести к цели, чтобы он ей поверил, все нужное нашел сам, чтобы это нужное шло от его убежденности — собственной, может быть, подсказанной, но не навязанной. Традиция — не слепок, она предполагает обновление, поиск».

Мысль художника, автора оформления, материализована в декорациях. Ей рождаться заново, от спектакля к спектаклю, не дано. И в «Каменном властелине» из двухсот эскизов выбирали один. В «Ричарде III» знаменитое теперь оформление тоже возникло по методу «отбрасывания». В «Украденном счастье» С. Данченко и художник М. Киприян, верные соавторы, делают в поисках сценической выразительности новый шаг. Приземистая хата бедняка Миколы и головокружительно высокие сосны. В этом контрасте — полная мера театральной условности. Зато в остальном полная достоверность. В решении спектакля, открывающего триптих, посвященный юбилею Великого Октября, театр как бы фокусирует свою идейно-художественную программу: от правды жизни — к социально-философскому обобщению.

Знаменательно: вместе с «Ричардом III» на всесоюзном смотре вошла в число лучших еще одна постановка заньковчан: «Планета надежд» А. Коломийца. В классике ищи мотивы, важные для современности. В пьесе о наших днях — проблемы масштабные, извечные. Из этого стремления и родилась смелость, с которой театр объединил классику и творчество современников в трилогию. Бесправный, забитый западноукраинский крестьянин в «Украденном счастье»; человек труда, расправляющий плечи в борьбе с угнетением в инсценировке романа Петра Козланюка; человек — творец, созидающий счастье на преображенной советской земле, в пьесе, ждущей прочтения. Из галереи образов, по замыслу театра, сложится образ народа в революционном развитии.

Но работа над трилогией впереди. А покамест одновременно с «Украденным счастьем» заньковчане поставили две советские украинские пьесы. И они тотчас нашли свое место в «мозаике»: «Под высокими звездами» М. Зарудного — рассказ о поступи нового в жизни колхозного села. И «Осенью, когда зацвела яблоня», дебют драматурга Я. Верещака — драматическая поэма о нерушимости дружбы советских республик-сестер. Пьесу М. Зарудного (как и «Сестер Ричинских», «Марию Заньковецкую», «Суету», многие другие спектакли) поставил один из старейших режиссеров республики А. Рипко. Дебют Я. Верещака стал дебютом у заньковчан опытного, но для этого театра нового режиссера В. Оглоблина. Как видим, секрет постоянства не в монополии. «Своя тема», «свой герой», «свой стиль» — это всегда разведка.

◇

Высказанные мысли во многом подсказаны протоколами заседаний партбюро, партсобраний в Театре имени М. Заньковецкой. На этих заседаниях и собраниях рассматриваются репертуарные планы — и в общей перспективе, и на ближайший период. Тут сообща утверждается ежемесячная афиша. Слушаются вопросы об итогах гастролей, суммируются отзывы прессы о труппе. Внимательнейшим образом контролируется идейно-воспитательная работа в коллективе. Кстати, более двадцати актеров и режиссеров театра год назад получили дипломы университета марксизма-ленинизма. Это немаловажно при выборе коллективной творческой цели и путей достижения ее.

...А как же Александр Дмитриевич Гай, его мечта? Не остался ли обделенным артист? В премьере «Осенью, когда зацвела яблоня» у А. Гая центральная роль. Он играет Нестора Кучбу, мудрейшего человека в селе, воплощение справедливости, оптимизма народа. Играет великолепно.

● *На репетиции пьесы «Тыл» М. Зарудного: народный артист УССР В. Максименко, заслуженный деятель искусств УССР М. Киприян, заслуженный артист УССР В. Розстальной, заслуженный деятель искусств УССР С. Данченко.*

Фото М. Курдуса.